

Цзи Яньсин получил сообщение на телефон. Он открыл его — писал Цзоу Ичэн.

— Цзи Яо, слышал, тебя утвердили на главную роль в «Династии Ци»? Поздравляю.

Цзи Яньсин не хотел отвечать. Но, вспомнив настойчивые напутствия Цзи Яо обязательно отвечать на сообщения старшего сокурсника, из вежливости набрал сухое:

— Спасибо.

— Не за что. Может, поужинаем вместе, отпразднуем?

Он ответил коротко:

— Занят.

— Тогда в другой раз?

На этот раз его терпение окончательно лопнуло. Он сунул телефон Ань Жань и больше не смотрел на экран.

— Цзяо-цзяо, а на это сообщение отвечать не нужно? — удивленно спросила она. Обычно Цзи Яо очень дорожил общением со своим сюэчаном.

— Не нужно, — отрезал он.

Этот человек его только раздражал.

Просматривая готовые кадры, режиссёр Чжоу довольно улыбался: во взгляде Цзи Яо появилось нечто новое, едва уловимое, но невероятно глубокое. Любой, кто взглянул бы на этот снимок, непременно повторил бы старую истину: «Юноша чист, как яшма на тропе, и нет ему равных под небесами».

Ни Ли Цзыян, ни Шэнь Ичжо не были мелочными людьми — одна упущенная роль не делала им погоды, к тому же Цзи Яо действительно подходил идеально. Глядя на Цзи Яньсина, режиссёр Чжоу удовлетворенно кивнул, понимая, что теперь может со спокойной душой приступать к съемкам.

После того как чужеземные послы вступили во дворец, на Посольском подворье вновь воцарилась привычная суета.

— Видели их? Эти иноземцы выглядят на редкость диковинно.

— Нам же запретили глазеть, указ на стене висел! Я и сам побоялся на улицу нос высунуть. Так, приоткрыл ставни, глянул краем глаза... Девки у них приметные, да и мальчишки смазливые.

— Наверное, в дар нашему владыке привезли?

— Тише ты! О таких вещах и шептаться боязно. Язык за зубами держи, мало ли кто услышит.

Цзи Яо сегодня облачился в темно-красное парадное одеяние с вышитыми питонами, подобающее императорскому сыну. Наряд подчеркивал его статную фигуру, а благородные черты лица казались сошедшими со старинного свитка.

Дэбао, склонив голову, вполголоса предупредил:

— Ваше Высочество, праздничный пир назначен на полдень. На нем соберутся самые влиятельные вельможи со своими супругами и законными детьми. Будьте настороже.

— Настороже? К чему это? — не понял Цзи Яо.

— Как бы молодые отпрыски знатных родов не вздумали посягнуть на вас...

— Пустое. Разве по столице не ходит слух, будто я приношу несчастье своим невестам? Какая семья решится выдать за меня дочь?

— Оно так, господин... Да только вы позабыли, что в нашем Великом Государстве Ци, в отличие от прежних династий, мужчинам не возбраняется брать в супруги мужей...

Цзи Яо онемел.

«Что, прости?! То есть несчастье грозит только женам, а на мужей проклятие не распространяется?»

Он мысленно содрогнулся и плотнее запахнул парадное одеяние.

В Зале Провозглашения Управления царило пышное веселье. Императорские сыновья и дочери, а также золотая молодежь столицы уже заняли свои места за пиршественными столами.

— Прибытие послов наполнило Наше сердце радостью! — провозгласил с возвышения

император Ци. — В их честь Мы устраиваем сей пир. Пейте и веселитесь без стеснения!

— Благодарим Ваше Величество! — слаженным хором отозвался зал.

Цзи Яо и остальные принцы, завершив церемонию встречи гостей, только сейчас вошли под своды зала.

— Приветствуем императорского отца, — пять братьев выстроились в ряд. Каждая деталь их облика дышала благородством, заставив не одно девичье сердце забиться чаще.

— Поднимитесь. Вы славно потрудились, сыновья мои. Прошу к столу.

— Брат, сюда! — принцесса Миньюэ весело замахала рукой, зазывая его к себе.

«Миньюэ, ну что за ребячество!»

Мысленно вздохнул Цзи Яо. В столь торжественный миг ее вольность могла разгневать императора. Однако правитель лишь благодушно улыбнулся и махнул рукой:

— Яньсин, присаживайся подле сестры, если ей так хочется.

Цзи Яо почтительно поклонился и занял указанное место. Император явно стремился показать иноземным гостям согласие и гармонию, царящие в правящем доме.

Он оказался в окружении прекрасных дев. Его мужественный, но утонченный облик на их фоне казался еще более притягательным, приковывая к себе восхищенные взгляды со всего зала.

Заметив, как император Ци увлекся беседой с гостями, Миньюэ шепнула на ухо брату:

— Я знала, что отец не станет сердиться. Так что никакого ребячества!

Цзи Яо невольно улыбнулся — девчушка оказалась куда проницательнее, чем он думал.

Две другие принцессы тоже сидели неподалеку. Старшая — принцесса Уян, рожденная императрицей Чжао, и принцесса Синьюнь, единоутробная сестра второго принца Цзи Юаня.

Принцессы появились на свет друг за другом, уже после того, как родились все восемь сыновей императора. Разница в возрасте между ними составляла от силы год-два. Прежде они почти не общались с седьмым братом, но сейчас воочию убедились: он — истинный дракон среди людей. Уян, будучи старше сестер и уже помолвленной, мыслила шире. Забыв о былых обидах матери-императрицы, она понимала, что ее родной брат, вспыльчивый Цзи Чун, никогда не удержит

трон. А вот Яньсин... он виделся наиболее достойным преемником. Даже Синъюнь в глубине души признавала: благородный седьмой брат выглядит куда выигрышнее ее собственного брата Цзи Юаня, способного лишь на мелкие интриги.

Потому, как ни странно, все три сестры выказывали Седьмому принцу искреннее расположение.

— Великий император государства Ци! — раздался посреди зала зычный, раскатистый голос. — Ваша страна воистину величественна. И песни у вас сладостны, и девы прекрасны — ничто не сравнится с этим великолепием!

Говорящий бросил на Цзи Яо двусмысленный, излишне смелый взгляд.

Он, на свою беду заметивший этот взор, едва сдержал рвотный позыв.

— Вы слишком щедры на похвалы, уважаемый посол, — сдержанно ответил император Ци, незаметно покосившись на стоящего рядом управляющего Фушоу.

Евнух склонился к его уху и прошептал:

— Это Аомуга, брат великого кагана Великого Ди — Аоруя.

«Ясно», — подумал император.

Начинается самое интересное. Чужеземец пришел не с миром, а с проверкой на прочность.

— В вашем Государстве, говорят, полно мудрецов. Как насчет небольшого пари? — ухмыльнулся Аомуга.

Цзи Яо мысленно закатил глаза.

«Ну конечно, классический сюжетный поворот. Сейчас этот второстепенный злодей начнет напрашиваться на неприятности».

В последнее время его жизнь все больше напоминала заурядный веб-роман. Но где ему взять спасительного главного героя с сияющим нимбом? Неужто придется отдуваться самому? У него не было ни малейшего желания ввязываться в эти глупые споры, особенно под сальным взглядом этого степного дикаря.

Впрочем, внешне Седьмой принц оставался образцом невозмутимости, хотя в мыслях у него бушевал целый ураган.

— И в чем же суть вашего пари? — поинтересовался император Ци. Он понимал, что гость расставляет ловушку, но смолчать означало бы проявить слабость.

— Я предложу загадку. Если в течение двадцати вдохов никто в этом зале не сможет дать верный ответ, победа останется за мной. В таком случае ваше государство обязуется выполнить одно условие Великой Ди, которое будет вам по силам.

«Двадцать вдохов — это примерно минута», — прикинул в уме Цзи Яо.

— А если кто-то ответит? — прищурился император.

— Тогда в следующую весну мы увеличим дань: пришлем сверх меры по пятьсот отборных коней, быков и овец!

— Хорошо. Излагайте вашу загадку, — согласился император, подавляя растущую тревогу. Дийцы вели себя слишком самоуверенно, тут явно крылся подвох.

— Тогда слушайте внимательно. Ответить может любой подданный вашего государства! — Аомуга гордо прошествовал на середину зала. — Все знают, что наши степи бескрайни, а кони быстры. Но даже среди лучших скакунов есть резвые и ленивые. Быстрый конь пробегает за день двести сорок ли, а медленный — лишь сто пятьдесят. Если медленный конь выйдет в путь на двенадцать дней раньше, то через сколько дней быстрый конь его нагонит?

Да, дийцы приготовили хитрый удар.

Со дня своего основания Государство Ци больше славилось ратными подвигами, нежели точными науками. Сама по себе задача не была неразрешимой, но дать ответ всего за двадцать вдохов казалось делом почти невыполнимым.

Император глубоко нахмурился.

— Кто из моих подданных готов дать ответ? — глухо спросил он, оглядывая притихший зал.

Аомуга самодовольно ухмылялся, уверенный в своем триумфе.

Миньюэ заметила, как Цзи Яо, обмакнув палец в остывший чай, быстро чертит на столе странные, непонятные значки. Она мгновенно сообразила: брат решает задачу! Быть может, у них есть шанс утереть нос спесивому послу? Но хватит ли драгоценных секунд?

Принцесса быстро переглянулась с Синьюнь. Пусть они и не были близки, делить им сейчас было нечего — перед лицом чужаков все они стояли за честь династии Ци и величие Государства Ци.

Синъюнь поняла сестру без слов. Плавнo поднявшись со своего места, она звонко произнесла:

— Слова господина посла весьма забавны. Коль скоро ваши степи столь богаты, а кони столь выносливы, отчего же в ваших табунах водятся клячи, отстающие от добрых скакунов?

По залу прокатился дружный смех.

Аомуга поперхнулся воздухом, не зная, что ответить этой девчонке.

— Синъюнь, не дерзи гостю, — наставительно произнес император Ци, хотя на душе у него знатно полегчало.

Спор с юной принцессой не прибавил бы послу чести. Справившись с гневом, он высокомерно бросил:

— Срок вышел! Похоже, великое Государство Ци сильно лишь на словах!

— Погодите, — раздался чистый голос Минъюэ.

Она поднялась со своего места, и император Ци с тревогой уставился на любимую дочь. Он уже хотел было остановить ее — нельзя допускать, чтобы вассальные земли сочли государство мелочным и не умеющим проигрывать, — как вдруг принцесса твердо произнесла:

— Господин посол, ответ готов.

— И кто же ты? — нахмурился Аомуга.

— Третья принцесса Государства Ци, Цзи Минъюэ, — гордо ответила она. Ее темно-синее парадное платье и изысканные заколки в волосах подчеркивали царственное величие. Достав из широкого рукава сложенный лист бумаги, она добавила: — И не думайте, будто я лукавлю. Ответ был записан до того, как истекло время. Но прежде давайте проясним: если я ошибусь, каково будет ваше условие?

Сердце императора замерло. Он бросил взгляд на Цзи Яо, и тот успокаивающе, уверенно кивнул отцу. Этого короткого знака хватило, чтобы тревога, терзавшая правителя, бесследно испарилась.

— Если Третья принцесса допустила ошибку, то пусть украсит собой наш престол! У нас как раз правит новый каган, и ему нужна достойная катун. Наш народ примет вас с почестями, ведь вы на редкость не дурны собой, — нагло заявил Аомуга.

— Дерзкий наглец! Как ты смеешь! — в гневе воскликнул император. Он не собирался отдавать свою любимицу кочевникам.

— Отец, не нужно гневаться раньше времени. Кто сказал, что я проиграю? — Минъюэ ласково улыбнулась.

Обычно вспыльчивая и резкая, сегодня она казалась образцом кротости и царственного достоинства.

— Господин посол, раз уж на кону моя судьба, то справедливо будет увеличить и вашу ставку. Если мой ответ верен, вы удвоите обещанную прибавку к весенней дани.

Цзи Яо, глядя на ее непоколебимое спокойствие, невольно вспомнил свою сестру Цзи Мэн.

Тысяча голов скота — для степняков это было огромной потерей.

В жилах Аомуги вскипела горячая кровь. Он ни за что бы не поверил, что изнеженная девчонка способна справиться с задачей, над которой ломали головы лучшие умы его племени.

— По рукам! Сделка совершена!

— Слово государя! — воскликнула принцесса.

— И клятва воина! — отрезал посол.

Минъюэ неторопливо развернула лист. На чистом шелке ярким оранжево-красным цветом было выведено всего одно число: «Двадцать».

Она очаровательно улыбнулась:

— Скажите, господин посол, верна ли моя разгадка?

Тот грубо вырвал лист из ее рук.

— Не может быть! — он был крайне изумлен. Как девчонка могла сосчитать все за считанные мгновения? — Вы жульничали!

Но число на бумаге было абсолютно верным. Двадцать дней.

— Моя сестра права, вы на редкость забавный человек, — спокойно произнесла Минъюэ. —

Какое жульничество под силу слабой девушке за двадцать вздохов? Или же почтенный посол, чьи громогласные клятвы только что слышал весь зал, решил пойти на попятную и забрать свои слова назад?

По залу прокатился осуждающий шепот. Аомуга покраснел от стыда и злости.

— И не думал! — буркнул он.

Но внутри у него все похолодело. Проиграть тысячу голов скота... Старший брат-каган с него живьем кожу спустит. Лишившись стольких лошадей и овец, племя зимой просто вымрет от голода, о походах на соседей можно забыть.

— Кстати, господин посол, не находите ли вы аромат этих чернил весьма изысканным? — вдруг спросила Миньюэ.

Тот невольно приняхался к листу.

— Что это за запах? — удивился он. Чернила явно отдавали какой-то едой.

— Это соус от нашей знаменитой рыбы в кисло-сладком соусе. Блюдо простое, но уксуса в нем предостаточно. Повара нашей дворцовой кухни знают в нем толк. Советую вам отведать его, господин посол. Говорят, рыба отлично укрепляет умственные способности.

Даже до дикого степняка дошел ядовитый намек принцессы.

— Воистину, Великое Государство Ци полно чудес! — раздался чей-то одобрительный голос среди гостей. — Даже юные девы здесь обладают умом, превосходящим мужей. Мы поражены!

— И то правда, удивительно! — подхватили остальные, ловко замяв неловкость с рыбой под соусом.

Император Ци так и сиял от гордости.

— Гости наши излишне щедры на похвалы, пустяки, — милостиво отозвался он.

Цзи Яо прикрыл рот кулаком, пряча улыбку. Повадки императора один в один напоминали его собственного отца, когда тот с напускной скромностью выслушивал комплименты в адрес детей от коллег по работе.

На первый взгляд, Миньюэ лишь разгадала детскую ребус-загадку. Но в действительности она отстояла честь государства. Если даже слабые женщины в государстве обладают столь острым

разумом, то какова же сила ее мужей? Это был наглядный урок мощи Государства Ци.

Аомуга злобно зыркнул на принцессу, а затем перевел тяжелый взгляд на Цзи Яо. Он прекрасно заметил их переглядывания.

«Этот парень... Цзи Яо действительно опасен, как и предупреждал брат. Ладно, этот долг я еще верну».

Когда пир завершился и послы разъехались по своим посольским подворьям, император велел сыновьям и дочерям остаться.

— Сегодня вы все превзошли себя, — довольно произнес он. — Особенно порадовала Синъюнь. Ты заметно повзрослела.

Девушка вспыхнула от счастья. Впервые в жизни отец удостоил ее личной похвалы! Все благодаря Минъюэ, которая вовремя подсказала ей отвлечь внимание посла разговорами.

— О встрече послов у ворот мне доложил Фушоу, — продолжал правитель. — Вы не уронили чести империи, и каждый из вас получит заслуженную награду.

— Благодарим, отец. Это наш священный долг, — хором ответили принцы и принцессы.

— Минъюэ, а теперь признавайся: неужели ты сама так быстро справились с загадкой степняка? — с мягкой улыбкой спросил император.

Принцесса лукаво прищурилась:

— Что вы, отец. Это всё затея брата.

«Так я и думал», — мысленно подтвердил свои догадки государь.

Разумеется, за всем стоял Цзи Яо.

— Вот как? Яньсин, поведай же, как тебе удалось столь быстро найти разгадку?

— Все довольно просто, — ответил Цзи Яо.

Достаточно было составить простое уравнение с неизвестным «икс». Пусть он и не считал себя великим математиком, но высшее образование за плечами имел. Если бы его отец узнал, что он не справился со школьной задачкой на движение, то наверняка прибил бы на месте. Он терпеливо и доходчиво объяснил суть решения на простых примерах.

— Как любопытно... — протянул император, искренне удивленный легкостью метода. — Но почему ты сам не назвал ответ, а передал его сестре?

— Отец ведь и сам прекрасно понимает, почему, — тонко улыбнулся Цзи Яо.

Император понимал это как никто другой. Ответил сам Цзи Яо — все бы просто восхитились его умом. Но когда вызов приняла хрупкая принцесса, это обезоружило спесивого дийца, заставив его бездумно пойти на кабальные условия спора. Весь этот спектакль от начала до конца был просчитан разумом его сына.

Второй принц, Цзи Юань, мысленно скрежетал зубами от злости, глядя на это взаимопонимание между отцом и братом. Остальные же принцы лишь недоуменно молчали, не понимая до конца сути их тайного сговора.

— Идите. Завтра наступит великий день для нашего Государства Ци. Вы должны быть собраны и полны сил.

«Великий день?!»

Удивленно переглянулись братья. Что же за событие готовит император, если до сих пор держал его в строжайшей тайне?

— Ступайте, — сухо отрезал император, не став ничего объяснять.

Но Цзи Яо прекрасно понял этот взгляд. Отец напоминал ему о тайном уговоре — сегодня ночью они должны отправиться в военный лагерь.

— Смирено удаляемся, — принцы и принцессы поклонились и покинули зал.

Он не ведал и не желал знать, какие пересуды ведут у него за спиной братья и сестры. Все это было пустопорожней суетой.

Завтрашний день — а вернее, сегодняшняя ночь — должен был стать началом решающей битвы, в которой у него не было права на ошибку.